

DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-4-324-337

Научная статья

Северо-Восточная Индия как пример «столкновения цивилизаций»

С.А. Михайлов

Российский университет дружбы народов
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10–2

В данной статье предпринята попытка анализа ситуации в Северо-Восточной Индии (СВИ) в контексте применения известной концепции американского политолога и сторонника современной версии цивилизационного подхода к истории Самуэля Хантингтона о «столкновении цивилизаций». Можно сказать, что даже поверхностное рассмотрение проблем СВИ свидетельствует о весьма характерном примере наглядного проявления его концепции.

Актуальность работы заключается в возможностях практического применения данной концепции для анализа существующих в регионе СВИ и Индии этноконфессиональных проблем и оптимальных путей их решения.

Ключевые слова: Северо-Восточная Индия, «столкновение цивилизаций», цивилизация, идентичность, этнический сепаратизм и национализм.

Введение

Существует множество определений термина «цивилизация», однако в современных реалиях словари дают ему следующее толкование: «Цивилизация – это ступень общественного развития и материальной культуры, характерная для той или иной общественно-политической формации» [1]. Попытки вывести формулу понимания и трактовки понятия «цивилизованного» предпринимались начиная как минимум с XVII века. Так, Ж. Кондорсе и Л. Морган рассматривали это явление в рамках бинарного противостояния «цивилизация – варварство». В эпоху Средних веков и Нового времени, возможно, такой подход еще как-то соответствовал идеологическим установкам, но сегодня он кажется довольно упрощенным. Тем не менее, основными постулатами данных трактовок является утверждение французского историка Ф. Броделя о том, что «цивилизация определяется собранием культурных характеристик и феноменов» [2. Р. 314].

В качестве объекта исследований на первый план выходили параметры возникновения, подъема, взаимодействия, достижений, заката и падения

цивилизаций. Они были приоритетными в исследованиях многих выдающихся историков, социологов, антропологов прошлого века, таких как М. Вебер, Э. Дюркгейм, О. Шпенглер, А. Тойнби и другие.

Затрагивая ключевые смыслы концепции Хантингтона, надо сказать, что он выступал в роли главного оппонента либеральной концепции Ф. Фукуямы, заявлявшего о «Конце истории» и победе либеральной глобалистской модели, где нет конфликтов, а есть лишь так называемый «глобальный универсализм» (выражение Ф. Дальмайра) [3. С. 274–297]. Однако для Хантингтона подобная ситуация невозможна, поскольку различия между цивилизациями очень велики, и они гораздо важнее, чем, например, раскол мира по принципу «капитализм–коммунизм». В этом контексте Хантингтона можно назвать сторонником «партикуляризма» и противника глобализации.

Он считал, что перспективы конфликтогенных ситуаций в меньшей степени возникают между социальными классами, бедными и богатыми, в большей – между народами различной культурной идентификации. Именно внутри цивилизаций велик риск межплеменных войн и этнических конфликтов с высоким потенциалом эскалации, поскольку в этот круг вовлекаются и соседние регионы и страны, близкие по расовой, географической принадлежности, религии и культуре.

По мнению Хантингтона, на первый план в качестве первопричин конфликта в СВИ выходят не идеологические, а культурные, этнические, религиозные и иные самоидентификационные факторы, разводящие народы этой страны данного региона по разным «национальным квартирам». И именно они являются либо точкой соприкосновения культур и вариантом цивилизационного выбора либо путей сосуществования, либо точкой разрыва, конфронтации и жесточайшего кризиса.

Исследование проблемы

Когда говорят об Индии, всегда упоминают ее особую уникальность и цивилизационный потенциал, успехи экономического развития, рекордный рост ВВП и ВНП, культурную, географическую особенность, значительный человеческий потенциал. Исторический и цивилизационный потенциал Индии настолько велик, что не вызывает сомнений в их исключительности. Но путь становления Индии как единого национального государства после достижения независимости в 1947 году сопровождается определенными трудностями, связанными в том числе с уникальным мультиэтническим цивилизационным многообразием. Такую историческую реальность следует рассматривать как ключевой фактор столкновения интересов многочисленных народов, населяющих Индию, выражающийся в протестных движениях, сопротивлении властям, с одной стороны, и многолетним, практически системным игнорированием интересов народов СВИ со стороны центральной власти, с другой.

Трудности страны (и их вряд ли удастся решить в ближайшее время) состоят в перенаселенности, невероятной многонациональности и не менее сложной конфессиональной структуре. Население насчитывает более 1 млрд

350 млн человек, и рост этот, вероятно, продолжится еще не одно десятилетие [4]. По мнению Хантингтона (и это вполне очевидно), именно демографический взрыв, неконтролируемая рождаемость как внутри государства в целом, так и в национальных группах в частности, является дестабилизирующим фактором и непосредственно влияет на социально-экономическую и политическую стабильность страны; усугубляет положение Индии и ее сложное этноконфессиональное устройство.

Национальный состав страны насчитывает несколько сотен этнических групп различного этнического происхождения (крупнейшие: хиндустанцы, телугу, маратхи, бенгальцы, тамилы, гуджаратцы, пенджабцы и другие). Они, в свою очередь, раздроблены на десятки тысяч каст и подкаст, говорящих как минимум на 1562 языках, относящихся к разным лингвистическим группам. Число только признанных официально государственных языков уже выросло до 25 [4]. Они относятся к разным языковым группам: индоарийской, дравидской, тибето-бирманской, мон-кхмерской.

В свою очередь, население СВИ составляет около 46 млн человек (2019), при этом они делятся более чем на 100 национальных групп. В расовом, культурном, языковом отношении СВИ представляет собой чрезвычайно разнородное общество, которое во многих аспектах (культурных, территориальных, расовых) гораздо ближе, например, к буддистской и синской цивилизации, нежели к индуистской. Даже внешний облик коренных жителей этих территорий свидетельствует о большем родстве с бутанцами и бирманцами, нежели с индусами. Демографическая ситуация в СВИ не менее напряженная, чем в целом по стране. Для СВИ характерен достаточно высокий естественный прирост населения, увеличение плотности проживания, а также непрекращающийся поток мигрантов из Бангладеш и Мьянмы, что усугубляет демографическую и криминогенную ситуацию, вызывая рост преступности, трафик наркотиков, оружия, взрывчатых веществ и так далее [5].

Языковые барьеры остаются фактором разобщения, поскольку государственный язык хинди так и не стал языком общей коммуникации в этом регионе. Существует теория, что язык – это не только средство коммуникации, но и особый инструмент, формирующий ментальные особенности нации. Убеждение Э. Сепира и Б. Ли Уорфа, что люди видят мир сквозь призму своего родного языка, не бесспорно, но не лишено некоторой доли истины (теория лингвистической относительности) [6]. Язык может выступать в качестве фундамента внутринациональной сплоченности определенных групп и фактором разобщенности в условиях этнически разнообразного и не сформированного государства. Мир родного языка для народов СВИ – это «дом бытия», «самое интимное лоно культуры» [7. С. 447]. Не случайно требования признания статуса родного языка, проблема его сохранения, право преподавания в школах на родных языках ставится во главу угла как фактор сохранения национальной идентичности народов СВИ.

Еще одним барьером для взаимодействия и важнейшим аспектом характеристики цивилизации в целом является религия. Данные по Индии свидетельствуют о значительном конфессиональном разнообразии [8].

Таблица 1

Религии Индии и их статистическая характеристика

Религия	Количество последователей (2019)	Процент общей численности населения	
		2019	2008
Индуизм	1 099 933 480	80,5 (+)	79,5 %
Ислам	199233234	14,4 (+)	13,4
Христианство	34 589 103	2,5 (+)	2,3
Буддизм	11 068 513	0,8	
Другие	31 821 975	2,3	
Народные верования	6 917 821	0,5 (+)	0,1

Мировой опыт своими примерами подтверждает особую роль религии в своем влиянии на ментальность и выработку определенных поведенческих моделей поведения, в формировании национальной идентичности. В этой связи необходимо выделить основные: индуистская (Индия, Непал); буддистская (Мьянма); мусульманская (Бангладеш); конфуцианская/синская (Китай, Бутан); христианская (ряд регионов СВИ); тибетская.

Представителей *буддизма* в Индии насчитывается около 1% от общего числа населения, что в числовом значении довольно значительно, порядка 11 миллионов человек [9]. Арел проживания в СВИ – Аруначал-Прадеш, Сикким, Мизорам. Ментальные особенности исповедующих этот вид религии – рационализм, конструктивизм, прагматизм. Тем не менее, в правилах буддистов есть и обращение к проблемам человеческой личности, и отсутствие жестких канонов поведения, и признание относительной свободы личности с соблюдением традиций. Буддистов отличает стремление к внутреннему познанию, созерцательность, терпение и спокойствие, душевная невозмутимость, приверженность труду [10. С. 317].

Внешние атрибуты жизни (характерные для европейской цивилизации), а именно стремление к обогащению, предприимчивость и активность, для исповедующих буддизм является второстепенным фактором. Буддистам присуща некая асоциальность, частое отстранение от какой-либо борьбы, в том числе за политические, экономические и иные права. В постулатах буддизма при желании можно обнаружить некое сходство с социалистическими идеями, включая отрицание неравенства. Исходная экономическая ячейка – группа. Тип поведения – конформизм, консенсус, помощь единоверцам. Точки соприкосновения и объединяющее начало с индуизмом – духовные практики [11].

Представители *конфуцианства* в СВИ представлены малым количеством населения, компактно проживающим в пограничных с Китаем районах Аруначал-Прадеш и Сиккима. Для них также характерен рационализм, конструктивизм, «деятельное начало». Прагматизм и особенности поведения напрямую переплетаются с разнообразными ограничениями, дисциплинированностью и трудолюбием, уважением и почитанием старших, а также терпением, вежливостью, искренностью и состраданием, почтением к опыту и

традициям. Человеческие качества с детских лет находятся в жестких рамках воспитания сдержанности в привычках, эмоциях, превалирования общественного над личным. Исходная экономическая ячейка – группа. Тип поведения – коллективизм, чувство долга, дисциплина и иерархичность. Характерна приспособляемость, бережливость, способность к заимствованию [12].

Ислам в Индии стал неотъемлемой частью индийской религиозной и культурной традиции. Более 14 % населения Индии (около 200 миллионов человек) составляют мусульмане, это самая большая религиозная община после индуистов. Приверженцы ислама в СВИ проживают в основном на территории Ассама (34%), Трипуры (9%) и Манипура (8%) [13].

Набор поведенческих реакций мусульман в Индии довольно сложен в том плане, что несмотря на религиозные отличия, в индийском мусульманстве парадоксальным образом заложены традиции индуистской кастовости, что сразу исключает какое-либо равенство в их среде, изначально «обещанного» этой религией. Кастовость стала неотъемлемой чертой приверженцев ислама в Индии. Что касается набора поведенческих реакций, то последователи ислама в Индии – наиболее «заряженный» на протестные действия электорат. Как правило, в социально-экономическом отношении мусульмане находятся на нижних ступенях развития индийского общества, что является для них сильным раздражителем. Ментальность мусульман выражена в формулировке «Ислам – всевластие Аллаха и долг». Опасность представляют сторонники нетерпимости и агрессивности по отношению к иным вероисповеданиям. Поведенческие ориентиры – стремление к сохранению традиций, коллективизм, семейственность, взаимовыручка.

Христиане – третья по численности религия в Индии (2,5%, или около 35 млн человек), в основном это католики, в меньшей степени протестанты; проживают христиане в СВИ в Нагаленде (88%), Мизораме (87%), Мегхалае (75%), Манипуре (41%), Аруначал-Прадеш (30 %) [13].

Насколько влияют христианские трактовки на социальные и поведенческие установки и характер их приверженцев в Индии? Христианство (в первую очередь протестантизм) воспринимает труд как долг; отношение к деньгам – чем больше денег, тем более угоден Богу; к частной собственности – индивидуальность, стремление к инновациям; исходная экономическая ячейка – индивидуум. Тип поведения – индивидуализм, конкурентность. Характер взаимодействия – формальный. Экономическое поведение – рациональность, личный интерес [14. С. 808].

Принимая во внимание влияние религии на формирование ментальности, можно предположить, что именно христиане в Индии находятся в особенно острой точке цивилизационного разлома. Сложно представить, каким образом может переходить гармоничный переход из одной веры в другую без ломки стереотипов, традиций и норм поведения, образа жизни, складывающихся веками представлений об окружающем мире. Может быть, именно в этом причина агрессивности, непримиримой жестокости индийских христиан в отношении как к представителям христианской общины, так и к иным вероисповеданиям.

Очевидно, что системообразующей нацией являются индусы и их религия – *индуизм*. Последователи индуизма лидируют по количеству приверженцев в Индии, их насчитывается около 80%, в цифровом исчислении это более 1 млрд человек [13]. При этом индуизм – религия регионального характера, присущая в основном только жителям этой страны.

Территориально в СВИ индуисты расселены в основном на следующих территориях: Трипура (доля индуистов 83%), Ассам (62%), Сикким (58%), Манипур (41%), Аруначал-Прадеш (29%) [13]. Значительное влияние на формирование ментального портрета индуиста накладывает кастовость, поскольку именно индуизм поддерживает варно-кастовую систему. Она является серьезной проблемой Индии, поскольку тормозит развитие общества и страны, провоцируя социальные конфликты. Тем не менее, индуизм многогранен, ему свойственен плюрализм и высокая степень демократичности. Ему несвойственна состязательность. Индуизм – синтетическая религия, способная впитывать иные веяния, не теряя своей внутренней природы и значимости для индийцев.

Индусская цивилизация, индуизм, за многие тысячелетия своей истории сформировали определенные модели поведения ее представителей, способных нахождению точек соприкосновения и умению сосуществовать множеству самых разнообразных и не похожих друг на друга племен и социальных слоев населения в едином географическом пространстве, выступая ядром консолидации народов Индии. Играет определенную роль и многолетняя направленность на демократические установки, на которую повлияло длительное английское владычество в Индии. Однако нельзя забывать, что декларация толерантности не есть собственно толерантность. И это подтверждают сложные взаимоотношения народов, в том числе и в СВИ.

Отправным (и, на мой взгляд, ошибочным) пунктом для идеологов превосходства индусской цивилизации могло служить представление о том, что цивилизационный образ Индии может быть единственно верным и определяющим для многонационального населения «лоскутно скроенной» страны. Признание классификации и географии цивилизаций может свидетельствовать о высокой степени готовности государства избежать трагических последствий этнорелигиозных столкновений на границах цивилизационных разломов.

Предположение индийских националистов, что именно индусская цивилизация безоговорочно может быть скрепой во взаимоотношениях народов Индии, была ошибочной и до конца не просчитанной с учетом возможных последствий. Находясь в рамках жестких условий сохранения единого государства и создания единой индийской нации, сторонники преобладания индуизма не учитывали всю сложность цивилизационной картины страны. Декларации БДП (Bharatiya Janata Party) и желание индийских националистов выстраивать национальное государство с абсолютным преобладанием индийцев (концепция *Hindu rashtra*) стала точкой отсчета неповиновения и выступлений практически по всей Индии.

Это проявилось в мощном всплеске националистических настроений, в том числе в СВИ. *Hindu rashtra* натолкнулась на ожесточенное сопротивление

многочисленных местных народов (нага, ассамцы, бодо, мизо, кхаси и так далее), что в конечном счете привело к длительному и кровавому противостоянию с Нью-Дели, которое продолжается (пусть и в латентной фазе) по сей день [15. С. 238].

В этой связи стоит отметить, что основная идея Хантингтона заключается в утверждении, что в мире после Холодной войны культура и различные виды культурной идентификации (которые являются идентификацией цивилизации) могут стать как моделью сплоченности, так и возможностью дезинтеграции и конфликта [16. С. 603]. Это может быть своего рода Сциллой и Харибдой, когда путь к консенсусу становится длительным процессом с большими человеческими, политическими и моральными потерями. И только умение систематизировать и обобщать реальность, понимание причинных связей между явлениями, умение власти и противоборствующих сторон отделять важное от менее значимого, а также умение находить компромисс могут предопределить возможный успех в поиске решения конфликтных ситуаций в обществе.

В то же время поиск «врагов», так необходимых нациям, находящимся в поиске и утверждении превосходства культурной, национальной и религиозной самоидентификации, приводит к эскалации и (в конечном счете) военному противостоянию внутри самих этих наций. И очевидно, что Индия не могла пройти путь становления без потерь. Еще с середины XIX века индийские религиозные реформаторы пытаются убедить общество в исключительности индуизма, когда другие вероисповедания сознательно ставились на нижнюю ступень культурного, религиозного, социального развития, «выносились за скобки» как чуждый элемент.

Во главу угла ставилась главенствующая роль индусов, когда подчеркивалось их приоритетное право на политическое и идеологическое формирование страны. Таким образом, исключалась даже малейшая возможность участвовать в этом процессе приверженцам ислама, христианства, джайнизма, буддизма или сикхизма [17. С. 187]. История человечества знает немало подобных альтернатив, когда меньшинствам навязывается идея отказа от собственной культурной идентичности, от их «чужеземной ментальности», а взамен предлагается вариант общей национальной жизни в пользу большинства по принципу «кто не с нами, тот против нас».

Идея создания государства индусов *Hindu rashtra* полностью отвечало интересам индуистского большинства, а отсутствие политического опыта привело к тому, что с 1980-х годов идеология хиндутвы («индусскости») стала ключевой в деятельности индусских политиков, идеологическим стержнем пропаганды, легальным прикрытием любых дискриминирующих действий, направленных против национальных меньшинств. Тем не менее, следует отметить, что и меньшинства ненамного отстали в своих стремлениях создания собственной идеологии, протестные методы которой (в том числе в СВИ) периодически принимали террористические, противозаконные формы как способ борьбы против ущемления своих прав.

Теория Хантингтона об обязательном условии поиска врага находит подтверждение в СВИ в ситуации идейных столкновений народов по

этноконфессиональному признаку, отягощенных множеством сохранившихся предрассудков и предубеждений.

Печальный исторический факт, но он бесспорен – народы Ассама, Мегхалаи, Нагаленда, Манипура, Бодоленда, Мизорама, Аруначал-Прадеш и всего северо-востока Индии оказались на границах цивилизационного разлома, став активными участниками разрушительного процесса этноконфессиональных противостояний. В сознании населения за многие десятилетия борьбы сформировались обоюдоострые предубеждения и предрассудки, которые определяют искаженное, конъюнктурно трактуемое восприятие реальности, видение фактов, суждение об их важности и сущности. Все это вносит свой «вклад» в разобщение и нагнетание эскалации на всех уровнях принятия решений. Историческая обида на обстоятельства прочно вошла в обиход жителей СВИ, формируя особый тип «притесненной и оскорбленной» нации или группы. Это привело к потере уже не одного поколения, потратившего силы на военное сопротивление, не принесшее, в конечном итоге, значительных политических или каких-либо иных дивидендов.

Безусловно, ситуация меняется, поскольку федеральным Центром приняты определенные решения, связанные с необходимостью оперативно и кардинально изменить ситуацию. Однако современный конфессиональный состав региона остается таким же сложным образованием последователей разнообразных религиозных течений, что мешает реализовать имеющуюся у Дели программу действий.

Так, в ряде штатов религиозное большинство составляют христиане (Нагаленд, Мизорам), в Ассаме, Трипуре значительна роль мусульман-мигрантов из Бангладеш, что, безусловно, также повышает градус взаимного противостояния. В последнее время в регионе стремительно растет доля христиан, и во многом это вызвано активной миссионерской деятельностью католиков и протестантов. Ситуация вызывает серьезное беспокойство как у местных племенных лидеров, так и у Нью-Дели, который намерен принять закон об ограничении деятельности христианских миссионеров [18. Р. 324].

Особенностью индийских христиан является их апеллирование к Библии для оправдания своей деятельности (например, фразы «Трипура – земля Христа» или «Нагаленд за Христа»). Причем для них является вполне естественным одновременно восхищаться идеями марксизма-ленинизма и Мао Цзэдуна и посещать мессы. Такого рода конвергенция порождает поистине взрывоопасную смесь. На этом фоне особенно выделяется деятельность НФОТ (Национальный фронт освобождения Трипуры), который настроен наиболее радикально в отношении религии. Еще 1980–1990-е годы в Трипуре происходили обоюдные кровавые столкновения между христианами, мусульманами, индуистами и буддистами, когда НФОТ объявил «вне закона» поклонение священным традиционным индуистским божествам (Дурга, Сарасвати, Лакшми и так далее), совершив акты насилия против их приверженцев и священников. Индийские националисты (в частности, организация *Rashtriya Swayamsevak Sangh, RSS*) также не оставались в стороне, совершая агрессивные действия против неиндуистов.

В Манипуре сепаратисты заявляли о необходимости возрождения санамахи – традиционной веры местных племен. Во многом это своего рода протест против стремительного роста влияния ислама, «импортируемого» мигрантами из Бангладеш. Местное население таким образом протестует против особых привилегий для мигрантов, в частности, применения бенгальской письменности в штате. В Ассаме, Трипуре на политический климат влияют мусульмане-мигранты из Бангладеш, что, безусловно, повышает градус взаимного противостояния. Например, в Ассаме среди лидеров ОФОА (Объединенный фронт освобождения Ассама) встречаются и индуисты, и мусульмане, и христиане. Подобная ситуация служит объектом нападок радикальных националистов, например, из НФОТ [18. Р. 324].

Иная ситуация в другом известном сепаратистском движении Ассама – «Национальном демократическом фронте Бодоленда» (НДФБ), где преобладают христиане. Они требуют перехода языка бодо на латиницу (того же требует и НФОТ в Трипуре), такие «принципиальные» расхождения часто вели к росту насилия, убийствам идейных противников среди видных общественных организаций, придерживающихся гуманистических подходов в решении данной проблемы.

Распространение христианского радикализма в СВИ вызывает ответную агрессию со стороны индийских националистов, которые видят в этом опасном явлении прямое или опосредованное иностранное вмешательство. Лидеры RSS обвиняют прохристианские СМИ в распространении «идеологии освобождения» посредством лозунговой пропаганды из серии «Путь к Христу – это путь народных выступлений». Индуистские идеологи предлагают приравнять подобные издания к сепаратистским и террористическим, поскольку те зачастую в открытую призывают к антиправительственным действиям. Однако пока правительство не идет на такие шаги, пытаясь абстрагироваться от проблемы.

В последнее время растущая угроза со стороны радикальных исламистов (в частности, из Бангладеш) заставила RSS пересмотреть свою позицию в отношении христиан. В частности, глава Союза В. Сударшан заявлял о том, что проникновение террористов из НРБ представляет для региона куда большую опасность, чем традиционное противостояние индуистов и христиан [18. Р. 324]. Однако возможность объединения этих конфессий перед лицом исламской угрозы оказалась скорее призрачной, поскольку непримиримая вражда оказалась сильнее, чем осознанное понимание опасности исламского радикализма и терроризма (за исключением Ассама, где традиционно мусульмане играли важную роль).

Мусульмане в Ассаме создали ряд вооруженных группировок, сильнейшей из которых стала «Мусульманский фронт тигров освобождения Ассама» (Muslim United Liberation Tigers of Assam, MULTA). Она была основана в 1997 году и имеет тесные связи с радикалами-суннитами из Sipah-i-Sahaba Pakistan (SSP). MULTA требовали утвердить систему шариатских судов в Ассаме. В планах MULTA было создание большого исламского Бангладеш (с включением в его состав Ассама и бирманской провинции Аракан,

населенной преимущественно мусульманами бангладешского происхождения). Препятствием служили аресты и смена политических лидеров на менее радикальных и умеренных, кропотливая работа силовых и разведывательных структур [18. Р. 324].

Таким образом, этноконфессиональная ситуация в СВИ на современном этапе вряд ли похожа на «пеструю сумятицу», скорее, это огнедышащий котел с закрытой крышкой, готовый при неблагоприятных условиях сорваться. Тем более что националистическая политика правящей партии БДП, которая так или иначе делает ставку на индуистский национализм, крайне болезненно воспринимается большинством жителей СВИ и их лидерами. Недавняя история с Джамму и Кашмиром (2019-й год) лишней раз продемонстрировала, что правительство Нарендры Моди готово на жесткие меры для «наведения конституционного порядка» даже без оглядки на такие документы, как Резолюция СБ ООН по Кашмиру (1948) [19].

Тем не менее, премьер-министр страны старается занимать по возможности умеренную позицию, стараясь отмежеваться от позиции индусских радикалов, декларируя идею «развития всех и для всех» и предпринимая попытки примирения индуистов, мусульман и христиан. Как любой разумный политик, он признает целесообразность цивилизованных подходов в решении конфессиональной проблемы, признавая право каждого жителя Индии придерживаться собственных религиозных воззрений. В этой связи весьма характерно высказывание Н. Моди: «Мы не можем согласиться с насилием в отношении любой религии под любым предлогом. Я решительно осуждаю такое насилие. Мое правительство не позволит какой-либо из религиозных групп возбуждать ненависть к представителям других религий, открыто или тайно. Принцип равного уважения ко всем верованиям был в течение тысячелетий частью нашей нравственности» [20].

Заключение

Итак, анализируя цивилизационные особенности индийского общества (в том числе в СВИ), следует исходить из того, что мы признаем наличие в Индии различных иных цивилизационных групп (помимо индусской), претендующих на самоопределение и находящихся в конфликте с системообразующей цивилизацией. Это последователи мусульманства, христианства, конфуцианства, буддизма. Если говорить об особенностях народов и племен, населяющих СВИ, то можно выделить множество особых культурных, этнических, религиозных и иных самоидентификационных черт, отличающих их (зачастую коренным образом) от индусской цивилизации. Религия и язык этих «малых» народов оказали значительное воздействие на формирование этнической индивидуальности, сознания, особого видения мира, культурного и духовного развития.

Тысячелетнее разделение религий на отдельные ветви внесло свои коррективы на формирование ментальности народов. Тем не менее, существует ряд факторов, объединяющих народы в условиях совместного проживания.

Это многовековое соседство, экономическая, политическая или военная заинтересованность, так называемая историческая целесообразность, в конце концов, уже более чем семидесятилетняя совместная история в рамках единого государства. Поиск возможностей объединения людей, живущих на территории современной Индии, представляется довольно сложной задачей, и она подразумевает принятие нетривиальных решений.

Вписывается в теорию Хантингтона и утверждение о том, что для народов СВИ, для их самоидентификации, играют огромное значение не только фундаментальные различия (вера, язык, культура), но и, как может показаться на первый взгляд второстепенным (но от этого не менее значимым), внешние факторы, такие как национальная атрибутика, культурные символы, когда культура быта, праздники, танцы, песни и прочее имеют колоссальное значение, поскольку культурная идентификация зачастую определяет национальную и духовную принадлежность.

С учетом анализа Хантингтона очевидным становится, что внутренние проблемы Индии так или иначе сопряжены с межцивилизационным столкновением населяющих ее народов. Отсюда логично вытекают проблемы этнического сепаратизма, болезненные процессы интеграции многочисленных «малых» народов в общее государственное пространство, усугубленные форсированными и непоследовательными методами слияния различных по цивилизационному (национальному, языковому и культурному) признаку регионов.

Рациональность нынешней государственной политики Индии заключается в присутствии понимания фундаментальности проблем, безусловного учета фактора цивилизационных различий внутри общества. По Хантингтону, формула «цивилизованного» требует именно таких практических решений в системе цивилизационных отношений. Решение проблемы сепаратизма лежит в цивилизационном поле, ментальной конвергенции, поскольку иные (в том числе и силовые) пути ведут к разрушению и деградации, наносят ущерб не только нациям СВИ, но и титульной в том числе. Культивирование национальной исключительности в таком государстве, как Индия, чревато только ростом сепаратизма.

Несмотря на то, что в результате значительной либерализации и интенсификации политики в отношении к СВИ конфликт сейчас находится в стадии «медленного (или латентного) горения», тем не менее, он сохраняет свой разрушительный потенциал. Это, в свою очередь, ставит под сомнение национальную безопасность Индии и ее территориальную целостность в условиях нерешенности запроса народов СВИ на равное экономическое, социальное и политическое устройство в рамках общего государства.

Адаптируя мысль Хантингтона к реалиям Индии и ее политике в СВИ, можно предположить, что сохраняется определенная степень вероятности перерастания локальных конфликтов в более масштабные столкновения между группами из различных цивилизаций. При этом Нью-Дели нельзя забывать, что внутренний цивилизационный порядок (основанный на взаимоуважении, уважении к культуре, религии и человеческому достоинству других народов

и наций) является самым надежным средством предупреждения гражданских войн и межнациональных конфликтов.

С моей точки зрения, путь Индии состоит в попытке создания универсальной цивилизации, объединяющей власть и культурные истоки различных общественных групп, при этом нивелирующей мусульманскую воинственность, геополитические притязания Китая и другие дестабилизирующие факторы. Стране необходимо принять парадигму, предусматривающую комплексные варианты решения проблем с учетом интересов цивилизационных меньшинств (в том числе СВИ). И тогда, возможно, эти регионы перестанут быть очагами конфликтов и аренами «столкновения цивилизаций».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Митрошенков О.А. Культура и цивилизация (материалы лекции) // Журнал «Личность. Культура. Общество». 2000. Т. 2, вып. 2(3).
- [2] Braudel Fernand. *Ecrits sur l'histoire*. Paris, 2013.
- [3] Дальмайр Ф. Глобальная этика: преодоление дихотомии «универсализм – партикуляризм». – М., 2004.
- [4] Численность населения Индии. URL: <http://www.statdata.ru/naselenie-indii-chislennost>. Дата обращения: 11.03.2020.
- [5] Das С.К. Purvattara me samabeshi vikas (India Water Portal) (хинди) («Дас С.К. Инклюзивное развитие СВИ (Водный портал Индии)»).
- [6] Бурас М., Кронгауз М. Жизнь и судьба гипотезы лингвистической относительности // Журнал «Наука и жизнь», № 8. М., 2011.
- [7] Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика, 1993.
- [8] Население Индии (Pew Research Center. The Global Religious Landscape). URL: <https://countymeters.info/ru/India>. Дата обращения: 17.02.2020.
- [9] Данные переписи населения Индии 2011 года (URL: <https://censusindia.gov.in/2011-Common/CensusData2011.html>). Дата обращения 15.02.2020.
- [10] Дюмулен Генрих. История дзэн-буддизма. М.: Центрполиграф, 2003. URL: https://lenta.ru/articles/2019/12/09/buddha_dhamma/. Дата обращения: 17.04.2020.
- [11] Меликова К.А. Конфуцианство и взаимоотношения поколений в Древнем Китае // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. М., 2014.
- [12] Данные переписи населения Индии 2011 года (URL: <https://censusindia.gov.in/2011-Common/CensusData2011.html>). Дата обращения: 15.02.2020.
- [13] Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Прогресс, 1990.
- [14] Баранов С.А. Сепаратизм в Индии. М.: ИВ РАН, 2003.
- [15] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.
- [16] Абрамов Д.Б. Светское государство и религиозный радикализм в Индии. М.: ИМЭМО РАН, 2011.
- [17] Bhaumik Subir. Troubled periphery: crisis of India's North East. New Delhi, 2009. URL: <https://iz.ru/906977/aleksei-kupriianov/smena-statusa-pochemu-dzhammu-i-kashmir-perestal-byt-shtatom>. Дата обращения: 05.05.2020.
- [18] Юрлова Е.С. Индия. Касты в политике. М.: ИВ РАН, 2017.

REFERENCES

- [1] Mitroshenkov O.A. Kul'tura i civilizaciya (materialy lekcii). Zhurnal «Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo». T. 2(3). M., 2000.
- [2] Braudel Fernand. *Ecrits sur l'histoire*. Paris, 2013.

- [3] Dal'majr F. *Global'naya etika: preodolenie dihotomii «universalizm – partikulyarizm»*. M., 2004. (In Russ.).
- [4] Chislennost' naseleniya Indii. URL: <http://www.statdata.ru/naselenie-indii-chislennost>. [Accessed: 11.03.2020]. (In Russ.).
- [5] Das S.K. *Purvattara me samabeshi vikas [India Water Portal]*. (In Hindi).
- [6] Buras M., Krongauz M. Zhizn' i sud'ba gipotezy lingvisticheskoy otositel'nosti. Zhurnal «*Nauka i zhizn'*», (8). M., 2011.
- [7] Hajdegger M. *Vremya i bytie. Stat'i i vystupleniya*. M.: Respublika, 1993.
- [8] Naselenie Indii [Pew Research Center. The Global Religious Landscape]. URL: <https://countrymeters.info/ru/India>. [Accessed: 17.02.2020]. (In Russ.).
- [9] Dannye perepisi naseleniya Indii 2011 goda (URL: <https://censusindia.gov.in/2011-Common/CensusData2011.html>) . [Accessed 15.02.2020]. (In Russ.).
- [10] Dyumulen Genrih. *Istoriya dzen-buddizma*. M.: Centrpoligraf, 2003. URL: https://lenta.ru/articles/2019/12/09/buddha_dhamma/. [Accessed: 17.04.2020]. (In Russ.).
- [11] Melikova K.A. *Konfucianstvo i vzaimootnosheniya pokolenij v Drevnem Kitae*. Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly. M., 2014. (In Russ.).
- [12] Dannye perepisi naseleniya Indii 2011 goda (URL: <https://censusindia.gov.in/2011-Common/CensusData2011.html>) . [Accessed: 15.02.2020]. (In Russ.).
- [13] Veber M. *Protestantskaya etika i duh kapitalizma*. M.: «Progress», 1990.
- [14] Baranov S.A. *Separatizm v Indii*. M.: IV RAN, 2003.
- [15] Hantington S. *Stolkновение civilizacij*. M.: AST, 2003.
- [16] Abramov D.B. *Svetskoe gosudarstvo i religioznyj radikalizm v Indii*. M.: IMEMO RAN, 2011.
- [17] Bhaumik Subir. *Troubled periphery: crisis of India's North East*. New Delhi, 2009. URL: <https://iz.ru/906977/aleksei-kupriianov/smena-statusa-pochemu-dzhammu-i-kashmir-perestal-byt-shtatom>. [Accessed: 05.05.2020]. (In Russ.).
- [18] Yurlova E.S. *Indiya. Kasty v politike*. M.: IV RAN, 2017.

Research article

North-Eastern India (NER) as an example of “clash of civilizations”

S.A. Mikhailov

Peoples' Friendship University of Russia
10–2 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

This article attempts to analyze the current situation in North-Eastern India (NER) in the light of well-known concept “clash of civilizations” developed by S. Huntington (the American political scientist and proponent of the modern version of the civilizational approach to History). One may say that even a superficial glance at NER problems demonstrates a very characteristic example of the visual manifestation of this concept.

The relevance of the work implies the possibilities of practical application of this concept for the analysis of India and NER existing ethnic and religious problems as well as the best ways to solve them.

The author (besides S. Huntington's work “Clash of civilizations”) used the works of the Russian indologists – S. Baranov (“Separatism in India”), B. Klyuyev (“Religion and conflict in India”), K. Likhachev (“Ethnic separatism in NER: old problems in the new century”) and the book of the Indian specialist on separatism in NER S. Bhaumik (“Troubled periphery: crisis of India's North East”) as well as other sources.

Keywords: North-Eastern India (NER), “clash of civilizations”, civilization, identity, ethnic separatism and nationalism

Информация о авторе / Information about the author

Михайлов Сергей Александрович – аспирант кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов, e-mail: wetter248@mail.ru.

Sergey Mikhailov – postgraduate student of the Chair of the World history, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University), e-mail: wetter248@mail.ru.

Для цитирования / For citations

Михайлов С.А. Северо-Восточная Индия как пример «столкновения цивилизаций» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 4. С. 324–337. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-4-324-337

Mikhailov S.A. North-Eastern India as an example of “clash of civilizations” // RUDN Journal of World History. 2020. Vol. 12. № 4. P. 324–337. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-4-324-337

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 02.07.2020